
РОЛЬ ПРАЗДНИКОВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ (на примере Германии)

В.А. Базанов

Университет Людвиг-Максимилиана (Мюнхен, Германия)
ул. Унтерхахсингер, 43, Мюнхен, Германия, 81737

В статье на основе материалов качественного социологического исследования проводится сопоставление ритуальной организации и восприятия религиозных, семейных и государственных праздников. На данном этапе традиционно-ритуальная регуляция производит скорее разделение групп переселенцев; наблюдаются и различия в осознании представителями различных миграционных волн общего символического опыта, в восприятии своей социокультурной общности.

Ключевые слова: праздник, культурное пространство, русское зарубежье, символ.

Основываясь на ценностном отношении к культуре, человек в ходе организации праздника и во время его самого воспроизводит связь между культурой и социальными структурами [18]. В то же время праздник — это и способ коммуникации, который отражает социальный порядок общества и воссоздает в особом типе реальности его ценности. Праздники несут особую функциональную нагрузку в переходные этапы жизни человека и общества, когда социальные структуры трансформируются [3]. Они отражают культурное оформление ценностно-нормативных регуляторов социального поведения, отражая и смену социальных ориентиров: «Именно ритуалы, а не насущные и надзирающие институты, как ни парадоксально, объясняют сущность социального порядка, а также его устойчивость. В этом кроется... особая социализирующая эффективность праздников. Во-вторых, „каждый включается целиком“, узлы группы становятся теснее, снимая проблемы межличностных и межгрупповых барьеров коммуникации» [9. С. 17].

Особенности поведения мигрантов из России и стран СНГ в статье будут рассмотрены на примере переселенцев в Германию. Основой для написания статьи послужили результаты исследования, проведенного автором в Баварии в 2009—2012 гг. в рамках программы Немецкой службы академических обменов на основе конструктивистского подхода и феноменологической традиции, с использованием метода включенного наблюдения и тематически структурированного интервью. Эмпирическую базу исследования составили 70 нарративных интервью с потомками первой, участниками и потомками второй, третьей и четвертой волн эмиграции, проживающими в Мюнхене и пригородах.

Если рассматривать советский и постсоветский период, то можно выделить несколько волн исхода, причины и особенности протекания которых нетождественны. В соответствии с историческими волнами были выделены исследуемые группы. Первая группа, обозначенная как «русское зарубежье», объединяет мигрантов первой и второй волны: первая связана с революцией 1917 г. и первыми

шагами советской власти; вторая — с миграционными потоками в ходе Второй мировой войны (мигрировали люди самых разных возрастов и социальных групп, но в политическом смысле их объединяло неприятие советской власти и преемственность по отношению к культуре Российской империи [7]). Вторая группа — переселенцы третьей и четвертой волн — обозначены как «новая волна»: их объединяет социализация в условиях Советского Союза [6. С. 15]. Соответственно, поведение двух групп в системе культуры праздника рассматривается в контексте ритуалов как института воспроизводства социальных отношений, тем самым праздник выступает своеобразным инструментом социального контроля [17. С. 19].

Религиозные праздники. Одним из наиболее значимых праздников в Баварии является день Рождества Христова, который отмечается 25 декабря, точнее — вечером 24 декабря. За несколько недель до этого дня города начинают украшать: организуются рождественские рынки с различными аттракционами, на окна зданий вывешиваются украшения. Несмотря на такую визуальную организацию пространства, практически все респонденты из обеих групп заявили, что днем праздника Рождества они считают седьмое января: *«Я думаю, что я не так отношусь, как к своему Рождеству, потому что для меня Рождество — русское Рождество. А это просто немцы празднуют с 24 на 25, здесь так считается. А для меня просто это как традиция людей, как часть культуры. Я отношусь к этому уважительно. Для них это Рождество. Мне нравится, я люблю ходить на рождественские елки. Это такое ощущение создается Рождества... Наверное, я бы, может, даже попраздновала этот праздник просто так. Но у меня нет знакомых немцев. Наверное, еще в этом заключается, что у меня не так много знакомых немцев...».*

В целом для респондентов «новой волны» более значим Новый год. Данное обстоятельство может быть связано, во-первых, с долголетним запретом религиозных праздников, вследствие чего семейная традиция празднования Рождества переместилась на близлежащий зимний праздник: *«Религиозной составляющей не было. Пару раз мы ходили в церковь на праздник, но особо... Мои родители были коммунистами, и они не особо были верующие, поэтому как-то церковная составляющая не сильно присутствовала...».* Во-вторых, в Германии Рождество отмечается традиционно в семейном кругу, в то время как празднование наступления Нового года предполагает общество друзей, праздник вне стен дома: *«Ну, они празднуют по домам, и их особо не видно. Но в последнее время мы как-то обычно с друзьями собираемся, либо вообще ничего не делаем. Вообще. Как бы у меня нет такого желания прямо двадцать пятого отпраздновать. Праздник праздником, с друзьями встретить можно. Или просто с любимым человеком что-то приготовить, покушать и все. То есть, у меня так. Седьмое я тоже особо не праздную. Также если с друзьями что-то покушать сделать. У меня в семье тоже не сильно праздновался праздник».*

Таким образом, мигранты чаще имеют возможность совместного празднования с представителями страны пребывания именно Нового года, а не Рождества, тем более что отмечаемое «своих» праздников воспринимается как некорректное давление на представителей иных культур: *«Мы не празднуем Рождество как та-*

ковое. Мы вот, наша русская школа. Я говорю о праздновании Рождества в немецкой школе, да, то есть, все, что этому как-то способствует, где-то... вот эти зажигания свечей каждый раз и так далее. Естественно наши дети участвуют, как члены немецкого коллектива. А мы празднуем Новый год... Я считаю, что это было бы не совсем корректно делать, потому что есть дети католики. Например, папа — немец, да, очень часто дети католической веры или евангелической. Есть ортодоксальные, то есть, православные, есть иудеи. То есть мы не можем, нам сложно на самом деле выбрать что-то такое, чтобы было бы для всех. Поэтому мы нейтрально празднуем Новый год, день славянской письменности, то есть, то, что вообще празднуется».

Большая значимость новогодних праздников свойственна, скорее, для мигрантов четвертой волны, о чем свидетельствует огромное число объявлений в прессе русскоязычных мигрантов и практически во всех русских магазинах. На восприятие праздника Рождества у представителей «русского зарубежья» накладывает отпечаток социализация в Германии: при визитах в Россию в эти декабрьские дни им странно отсутствие праздничных декораций и общее «затишье» в эти дни; в целом для них принципиально важна религиозная составляющая праздника. Причиной тому может быть тот факт, что в стране исхода на момент миграции религия была гонима, в то же время религиозная жизнь для мигрантов первой волны и живущих в Германии была для многих неотъемлемой частью повседневности.

Впрочем, безусловно, православная культура и религиозная жизнь далеко не тождественные понятия, хотя и перекрывающиеся. Часто речь идет именно о культурных формах, сложившихся при участии в религиозной жизни, но не о вере: *«Мы все были православные, но мы относились к этому как к части нашей культуры, нашей жизни и из этого не делали никакого культа, как вот те, которые теперь очень часто. Мне это совсем не нравится. Понимаете, как говорится, были сначала партийными, а теперь стали религиозными. Это такой фанатизм какой-то... Для нас это было привычно. Это все часть нашей жизни, нашей сути. Без этого мы не могли себя представить, что, например, Пасха без церкви. Это обязательно... Были иконы, в церковь ходили, но не обязательно, например, каждое воскресенье. Когда была потребность, то ходили».*

Среди символов, присутствующих в системе праздников мигрантов первой группы, более заметны элементы фольклора, например, такие как самовар; на стенах их квартир чаще встречается сувенирная продукция из России (картины на бересте), которые играют для младших поколений заметно меньшую роль. Для мигрантов второй группы большое значение имеет наличие родственников в принимающей стране, контакты с которыми накладывают отпечаток на отмечание праздников.

Высока значимость для обеих групп мигрантов дней перед Великим постом — Масленицы: *«...В прошлом году на Масленицу... мы пекли блины, собирались. Как бы для меня ассоциация, если мне что-то нужно, то я в русскую церковь хожу. Для меня это кусочек России и там я всегда чувствую себя как дома, там мы всегда собираемся с ребятами, что-то делаем».*

Масленица отмечается мигрантами обеих групп, но организационно-ритуальная сторона празднования различна. У представителей «русского зарубежья» существует традиция «ходить на блины» друг к другу, большое внимание уделяется ритуальной организации таких визитов: на столе должны присутствовать блины, сметана, икра, рубленые яйца. Ввиду того, что по церковным правилам не разрешены мясные продукты, таковых на столе быть не должно (хотя стоит отметить, что при посещении семьи представителя «русского зарубежья» автору была предложена непостная пища). Предполагается общение за столом, выпивание спиртных напитков. Автор был свидетелем совместного празднования масленицы представителями «русского зарубежья» и современных россиян: у мигрантов большое удивление вызвало неразличение «блинов» и «блинчиков», употребление блинов с вареньем и иными сладостями; попытки представителей миграции настоять на «правильном» ритуале были, в свою очередь, непонятны современным россиянам.

Семейные праздники. Очевидны различия и в поведении мигрантов в сфере обрядов, связанных с рождением ребенка: крестины воспринимаются первой группой как крупное праздничное мероприятие, для мигрантов последней волны крещение — скорее семейное событие, не предполагающее масштабного празднования. В крестные представители «русского зарубежья» реже берут близких родственников, реже ставится ими и вопрос о крестном из представителей страны исхода.

Бракосочетание у представителей «русского зарубежья» чаще является общим мероприятием общины. Сравнительно малочисленные праздники бракосочетания без участия представителей общины мигрантов свойственны представителям «новой миграции», вероятно, потому что участие в церковной жизни было в Советском Союзе скрываемым, крещения и венчания нередко проводились тайно, поэтому и широкого празднования их не предполагается.

Еще одним вероятным следствием непубличности церковных таинств является отсутствие шаферов на венчании: по традиции, о которой говорят представители первых волн миграции, в бракосочетании предполагается участие шести неженатых мужчин-шаферов, которые, в частности, держат венцы над головами брачующихся. При браке представителей разных волн информация о необходимости поиска шаферов воспринимается как новая и незнакомая, так же представители «четвертой волны» в большинстве случаев оценивают и обычай мигрантов «русского зарубежья» «поднесения чарочки»: брачующимся при встрече подносят рюмку (чарку) со спиртным напитком, ее поднесение и выпивание сопровождается общим пением песни «Чарочка моя...». На свадебном застолье в общинах «старой миграции» предпочитают разговоры, в то время как для «новой миграции» большое значение имеют многочисленные конкурсы и розыгрыши. Данная особенность, вероятно, связана с тем, что свадьба для мигрантов первой и второй волн была поводом для встречи представителей разных общин, свадьба была местом, где можно обменяться новостями, обсудить планы, и конкурсы будут этому только мешать. Указанная особенность может свидетельствовать и о меньшей сплочен-

ности общин мигрантов «новой волны» и приводит к конфликтам при подготовке бракосочетания представителей «русского зарубежья» и «новой волны».

Заметна также сравнительно меньшая роль у представителей «новой волны» «именин» — праздника святого, чье имя носит человек. Именинами обозначаются у представителей «новой волны» дни рождения, соответственно человек, отмечающий день своего рождения, будет обозначаться как «именинник», тогда как в «русском зарубежье» он называется «новорожденным».

Основным объединительным институтом, поддерживающим сетевую структуру диаспоры, очевидно, является церковь — вокруг приходов организовываются и праздники, и детские представления: *«Поэтому мы переехали в Мюнхен. А здесь была церковь, при которой существовала русская община, русская школа... Так что мои дети туда ходили. Уже тогда начались у нас спектакли и преподавание русского языка. Это было неотъемлемо, одно было с другим. И это было само собой разумеющимся. Никто и не задумывался: хочу или не хочу. Иначе мы и не представляли свою жизнь».*

Интересно отметить наблюдаемую в настоящее время попытку «конкуренции» праздников со стороны различных организаций. Так, например, библиотека Толстовского фонда 18 декабря организовала «Праздник св. Николая для русских детей. Традиционный праздник свят. Николая с поющим Николаем, Лешим, Снегурочкой и Бабой Ягой» [13], хотя не совсем понятно, какие именно традиции связаны в России с днем святителя Николая, кроме того, праздник проходил одновременно с богослужением в церкви. Религиозные праздники как часть культурного наследия отмечаются и в Центре русской культуры «Мир» [13], который чаще всего упоминается респондентами и играет заметную роль во всех группах мигрантов. Неким маркером, выделяющим Центр среди организаций более ранних волн, является празднование Международного женского дня [12], который был известен в кругах старой эмиграции лишь по книгам из Советского Союза. Впрочем, праздник отмечается сегодня и в библиотеке Толстовского фонда [14].

Мигранты второй группы отмечают в целом специфику организации «своих» праздников по сравнению с местным населением: *«Когда немцы гуляют, вот, вечеринки; они любят, чтобы у них было все организовано, как это у немцев принято. Немцы этим вообще отличаются. У них все должно быть тип-топ, как говорят, все организовано. Не любят они спонтанностей. Они, допустим, если они идут куда-то вечером, ну, например, в бар, на дискотеку, еще куда-нибудь — у них все организовано. Если мы вечером пойдем гулять, то сидим на Изаре, разожжем костер, пойдем по городу плясать — ну, что-нибудь такое... У русских проходят вечеринки — полный крах: шумно и алкоголь ручьем. А у немцев... определенное количество алкоголя куплено, в ларек не бежим второй раз... У них есть такое, когда они отрываются по полной программе — это Октоберфест».*

Одно из основных отличий праздников мигрантов от местного населения, отмечаемых респондентами обеих групп, — отсутствие «умения» праздновать, т.е. более скромные затраты и предпочтение разговоров и еды развлекательной программе: *«...Мы любим, когда мы гуляем, то гуляем, это не значит, что люди*

с пивного горя бьют друг другу морды, как, к сожалению, здесь показывают русские какие-то сборища. Это просто с открытой душой, это танцы, это музыка, не знаю, какое-то радушиное такое состояние. Мне кажется, что немцы, в моем понимании, немного холодноваты в этом вопросе. Я как-то работала, я много очень подрабатывала во время учебы, везде во всевозможных мероприятиях немецких, и свадьбах тоже: просто был заказан сервис, шикарный сервис, хотя итальянцы делали, то есть такой народ, вроде как живучий, там и музыка и все. Но меня всегда поражало, что немцы, они пока не покушают, вот кушают, кушают, кушают, кушают, разговаривают. Как-то нет легкости какой-то. Даже на свадьбе, я помню, единственные, кто танцевал, это, по-моему, мы только после работы. Это скованно все происходит немножко для меня... Немцы немножко скованные, холодные, вот так». «Немцы любят распорядок дня точный. Когда кушать, они все знают, всей семьей собираются. Но у меня, видишь, в принципе, у меня в семье не было так, чтобы мы по воскресеньям обязательно собрались и провели день все вместе и по расписанию. То есть, это для меня было новое. Как бы, может, и в России есть такие семьи, я не знаю. У меня семья была, на этом не было концентрации, что какие-то семейные традиции. Естественно, мы собиралась на праздник все вместе за столом. Но мне кажется, у немцев эти традиции семейные очень культивируются... У нас, мне кажется, делают намного больше праздника, но при этом не воспринимают это как стресс. Многие немцы здесь воспринимают, как стресс. Но я также знаю исключения, для которых это просто праздник, когда люди собираются вместе, проводят время вместе...».

На первый взгляд описание мигрантами праздников представителей местного населения сходно с моделью праздника группы «русское зарубежье»: сходные маркеры — предпочтение разговоров увеселительной программе, однако такой тип праздника свойственен и мигрантам, проживающим в иных странах, следовательно, вряд ли может быть прямым следствием соприкосновения с культурой Германии. Следует отметить также и такой факт, как совместные застольные песни: мигранты «новой волны» редко знают песни мигрантов «русского зарубежья», и наоборот: для первых значимыми являются песни из мультфильмов и кинофильмов советского периода, для вторых — скорее народные песни: «...Это типично русское — когда все вместе сидят, играют на гитаре, поют, например, может, выпивают чуть-чуть при этом. Это такая типично русская традиция, которая очень всем нравится и весело. С немцами такого не устроишь. С немцами там больше идешь в кино, идешь в ресторан. Как-то там немножко по-другому все-таки. Вместе фильмы смотришь. Так, чтоб просто разговариваешь, поешь, это все-таки... более такая русская традиция».

В обеих группах миграции отмечается одинаково негативное отношение к пивному празднику «Октоберфест», хотя респонденты положительно оценивают связанные с ним традиции ношения национальных костюмов: «Мне очень нравится, что они одеваются в национальную одежду во время праздников. Я считаю, что это очень важно. Просто так для культуры, чтобы культура жила. Мне не очень нравится, что эти праздники превращаются в большую попойку... Но то, что они поддерживают свою традицию, это я считаю очень замечательно».

Респонденты обеих групп отмечают открытость представителей местного населения к участию в их празднествах мигрантов, с которыми они вместе работают, хотя, учитывая различия опыта социализации, мигрантам «новой волны» сложнее найти с ними общие темы: *«Я был у сотрудников в гостях, у всех абсолютно. На счет закрытости не знаю. Даже вот этот мой сотрудник... он меня пригласил. Я помню, тут были какие-то посиделки, значит, к себе пригласил и ради меня весь вечер говорил только по-английски, значит. Все были немцы вокруг, а я был иностранец. И он ради меня говорил по-английски, потому что немецкий я не понимал. И в общем я это до сих пор ценю, поскольку это подвиг. Этот человек заставил себя не наслаждаться общением со своими друзьями, а вот только для меня этот английский делать».*

Государственные праздники. Для формирования общего информационного поля в пространстве культуры в политической реальности необходима метафорическая актуализация [16. С. 78—81], поэтому исторические события можно рассматривать как артефакт культуры, открытый для преобразований. Любой государственный праздник прямо или косвенно связан с историей, отсылает к историческому контексту, если воспринимать историю как то, что происходит в настоящем и из настоящего [11]. Для представителей второй группы в целом свойственно внимание и ассоциирование себя с государственными праздниками, прежде всего из советской эпохи — это День победы, Международный женский день, День защитника Отечества.

Одним из наиболее заметных в последние годы символов Дня победы стала георгиевская ленточка, которую раздают всем на мероприятии консульства России 8 мая. Получила распространение и лента цветов флага России — она более популярна среди мигрантов первой группы, потому что георгиевская ленточка не воспринимается ими столь же однозначно положительно, как мигрантами «новой волны»: мигранты «русского зарубежья» активно использовали бело-синекрасные ленты еще в период существования СССР, например, у одной из потомков «русского зарубежья» крестильный крестик висит на ленточке-триколоре. Цвета георгиевской ленты, с одной стороны, активно используются в связи с советской символикой, с другой — такой знак отличия, как георгиевский крест, в России мог вручаться только по распоряжению монарха, поэтому использование символики георгиевского креста вне связи с монархией иногда воспринимается как «узурпация» символа.

В целом в эмигрантской среде отсутствует ощущение себя победителями: на мероприятии, посвященном празднованию 65-летия окончания Второй мировой войны, мигранты «новой волны» предлагали изменить формат мероприятий зарубежных представительств России на празднование окончания войны без подчеркивания факта поражения Германии, и эта инициатива встретила понимание у всех групп мигрантов. Тем не менее, символы данного исторического события понятны всем представителям «новой волны», воспринимаются положительно и используются в том числе в коммерческих целях. Для мигрантов «новой волны» будет актуальным следующее утверждение: «Подавляющее большинство наших

сограждан, независимо от пола, образовательно-профессиональной принадлежности и типа поселения, продолжает, в первую очередь, гордиться победой в Великой Отечественной войне, послевоенным восстановлением страны, великой российской культурой, достижениями отечественной космонавтики и космической техники» [2. С. 17].

В интервью представителем «русского зарубежья» вопрос о значимости празднования 9-го мая был встречен удивлением и вопросом «А разве мы советские?», что показывает отношение к этому дню как прежде всего к советскому празднику. Респонденты вспоминали и насильственные действия советских солдат по отношению к заключенным немцам, и негативно воспринимают в ситуации российской бедности и неустроенности военные парады, транслируемые по телевидению (как неуместную трату средств).

Для мигрантов «русского зарубежья» характерно чувство благодарности стране пребывания: *«Мы благодарны до сих пор, прожив в Германии столько лет, благодарны этой стране, что она нас приютила и дала полную свободу нашего здесь пребывания; в том числе и заботу о том, как выжить, как устроиться. Но она дала нам и свободу нашего мышления, нашего общения с нашими соотечественниками. Она дала нам свободу выстроить здесь свои церкви, молиться, вернуть нашу веру, наше православие, которого мы были лишены на нашей родине, называемой Советским Союзом».*

Среди мигрантов «русского зарубежья» неоднозначно воспринимается сам термин «День Победы», тем более что у многих данный день ассоциируется с насильственной репатриацией, с бегством от частей Советской Армии: *«Мы отступали и уходили от этой армии, может быть, даже интенсивней, чем сами немцы, проигравшие эту войну. А дело в том, что мы, любя свою родину — не Советский Союз, а Россию — и в самой стране и покидая ее, были противниками коммунизма. И мы очень хорошо знали, что с приходом Красной Армии неминуемо будет расправа и с белой эмиграцией, которая в свое время ушла из России, и с нами — в независимости от того, вынуждено или не вынуждено, по увозу немцев покинули страну — все равно с нами будут расправляться. Сталин сказал: «У нас пленных нет». Большинство из тех, кто уехали на родину, закончили свою жизнь в концлагерях. Поэтому мы остались в как будто бы враждебной Германии. Да, действительно, враждебной Германии, которая напала на Россию. А мы были между двух огней — гитлеризмом и коммунизмом».*

Однозначно негативно мигрантами первой группы воспринимается фигура И. Сталина, в то время как для «новой волны» — это, скорее, предмет дискуссий: *«Нет явного идеологического неприятия революции, коммунизма (по крайней мере, его символов и отдельных явлений, воплощающих коммунистическую идеологию: пионеров, планового хозяйства, советских управленческих структур и т.п.), нет однозначно отрицательного отношения к Сталину и Ленину».* Так, на официальном мероприятии консульства в программе одним из пунктов значился «Портрет Сталина»; а элементы декорации были связаны в основном с символикой Советского Союза, хотя на мероприятие были приглашены и представители Русской

православной церкви, ее священники присутствовали и на официальном приеме 9 мая, и на кладбищах, где имеются захоронения граждан СССР, где служили панихиды.

На праздновании Дня независимости России в консульстве был организован торжественный прием, на котором присутствовали и мигранты «русского зарубежья». Причем интерес к данному празднику в целом был выше, чем к иным государственным праздникам, что, вероятно, связано с тем, что этот праздник символизирует окончание эпохи СССР. Так, на приеме в консульстве 8 мая 2012 г. присутствовали только представители Русской православной церкви Московского патриархата и ни одного священника Русской православной церкви за границей, в то время как на приеме в честь Дня независимости России 12 июня представителей второй было больше, чем первой, хотя, конечно, это может быть следствием того, что 9 мая пришлось на канун праздника Преполовления, и у Русской Православной церкви за границей не оказалось свободных от богослужебных обязанностей священников.

В целом интервью с представителями «русского зарубежья» показали их осведомленность о делах современной России и патриотические настроения: но если «предметы гордости россиян связаны в основном с эпохой Советского Союза, а не с новой российской действительностью» [5. С. 212], то для мигрантов «русского зарубежья» в большей степени значимы культурные достижения Российской империи.

Таким образом, сегодня праздник выступает сложным инструментом актуализации важнейших элементов культуры, фиксации отношения к прошлому и легитимизации повседневности. При имеющихся исторических условиях миграций на большие расстояния и при длительном существовании диаспоры в новых условиях и в инокультурном окружении воспроизводство культуры в целом и ее обрядовой составляющей в частности имеет свои особенности. Наиболее заметные из них — длительное сохранение, консервация таких элементов, которые в стране исхода либо исчезли, либо трансформировались; для потомков мигрантов более актуальна идентичность страны пребывания, следовательно, при смене поколений мы можем наблюдать сближение культуры миграции с представителями страны пребывания.

Общий праздник способствует распространению культурных практик и стандартизированных моделей поведения, но в условиях диаспоры и миграционных групп сложно говорить о наличии общих праздников.

Обращает на себя внимание тот факт, что представители государственных органов скорее выделяют праздники второй группы миграции. Модель «не-ассоциирования» себя с данными государственными праздниками, непонимание и в некоторой степени игнорирование их в целом свойственна постсоветской культуре: «Культурным кодом, упорядочивающим мысли и действия при социализме, было противопоставление жизни частной (личной) и общественной (официальной). ...Защитной реакцией на политизацию жизни и стремление властей контролировать все сферы жизни был уход в частную жизнь» [8. С. 5]. Во времена СССР

культурные центры государственных заграничных учреждений носили идеологическую окраску и ориентировались на левые партии и их сторонников [1. С. 63], поэтому со стороны мигрантов первой группы к ним сохраняется двойственное отношение — очевиден интерес, но лишь к праздникам, возникшим после распада СССР.

Большую роль играют в обеих группах мигрантов культурные ценности, на основании которых индивиды причисляют себя к членам определенной группы. Результат ценностной регуляции в данном случае — степень самосоотнесения с «русскими», большую роль в которой играет символическая регуляция — использование значимых символов, например, «георгиевская ленточка», несмотря на наличие общего исторического основания, не стала общим символом; для мигрантов последних волн более характерно внимание к актуальной информации, стремление ориентироваться в том информационном потоке, что и их соотечественники.

И сегодня подавляющая часть представителей второй волны и часть потомков мигрантов первой волны живут интересами России: в ходе интервью они демонстрируют не просто осведомленность о событиях в стране, но и переживание, искреннее участие, стремление сохранить на чужбине русскую культуру. Более ранним волнам мигрантов, скорее, свойственно искать исторические основы собственной идентичности, поэтому традиционно-ритуальная регуляция праздников и отвечает в значительной степени за разделение двух групп.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Астахова Е.В., Астахов Е.М. Российская диаспора и гуманитарное измерение внешней политики // Космополис. — 2007/2008. — № 3.
- [2] Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. — М.: Наука, 2005.
- [3] Карпова Г.Г. Праздник в контексте социальных изменений: Автореф. дисс. ... к.с.н. — Саратов: Изд-во СГТУ, 2001.
- [4] Очкина А.В. К вопросу о социальной природе «советской ностальгии» // Известия ПгПу им. В.Г. Белинского. — 2012. — № 28.
- [5] Помозова Н.Б. Сравнительный анализ стратегий формирования гражданской идентичности в России и Китае // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 4.
- [6] Попков В.Д. Кросс-граничное русскоязычное пространство: Подходы к пониманию. URL: <http://www.mdn.ru/engine/documents/document11067.pdf>
- [7] Попков В.Д. Основы «русского мира»: векторы формирования единого пространства соотечественников. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0002.html?print=true>
- [8] Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. — 2001. — № 2.
- [9] Щербинин А.И. Коммуникативная природа политического праздника // Политический маркетинг. — 2007. — № 6.
- [10] Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004.
- [11] 8 März 2011: Für Euch, Ihr lieben Frauen // Центр русской культуры в Мюнхене «Мир». URL: <http://www.mir-ev.de/veranstaltungen/veranstaltungen-im-jahr-2011/8-marz-2011-fur-euch-ihr-lieben-frauen>.

- [12] *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. — München: Beck, 1992.
- [13] Donnerstag 7 Januar 2010: Russisches Weihnachtsfest. URL: <http://www.mir-ev.de/veranstaltungen/veranstaltungen-im-jahr-2010/donnerstag-7-januar-2010-russisches-weihnachtsfest>.
- [14] Jahresbericht 2010. Tolstoi-Bibliothek. Russische Sozialberatung. URL: http://www.tolstoi-bibliothek.de/uploads/files/Tolstoi_Jahresbericht_2010.pdf.
- [15] *Kagarlitsky B.* Back in the USSR. — Chicago: The University of Chicago Press, 2009.
- [16] *Lahusen T., Kuperman G.* Late Soviet Culture from Perestroika to Novostroika. — Durhan: N.C. Duke University Press, 1993.
- [7] *Schmale W.* Historische Komparatistik und Kulturtransfer. Europageschichtliche Perspektiven für die Landesgeschichte. Eine Einführung unter besonderer Berücksichtigung der Sächsischen Landesgeschichte // Herausforderungen. Historisch-politische Analyse. Bd. 6. — Bochum: Winkler, 1998.

THE ROLE OF FEASTS AND HOLIDAYS IN THE CULTURAL SPACE OF RUSSIAN-SPEAKING EMIGRANTS (evidence from Germany)

V.A. Bazanov

Ludwig-Maximilian University (Munich, Germany)
Unterhakhinger str., 43, Munich, Germany, 81737

On the basis of a qualitative sociological case study, the article compares the ritual organization and perception of religious, family and state holidays. At this stage, the traditional ritual regulation cultivates, rather, a division of Russian-speaking emigrant groups. One can also observe certain differences in the awareness of the general symbolic experience and in the perception of their socio-cultural identity among the representatives of different migration ‘waves’.

Key words: a holiday; cultural space; Russian emigration abroad; a symbol.

REFERENCES

- [1] *Astahova E.V., Astahov E.M.* Rossijskaja diaspora i gumanitarnoe izmerenie vneshnej politiki // *Kosmopolis*. — 2007/2008. — № 3.
- [2] *Gorshkov M.K., Tihonova N.E.* Rossijskaja identichnost' v uslovijah transformacii: opyt sociologicheskogo analiza. — M.: Nauka, 2005.
- [3] *Karpova G.G.* Prazdnik v kontekste social'nyh izmenenij: Avtoref. diss. ... k.s.n. — Saratov: Izd-vo SGTU, 2001.
- [4] *Ochkina A.V.* K voprosu o social'noj prirode «sovetskoj nostalgii» // *Izvestija PgPu im. V.G. Belinskogo*. — 2012. — № 28.
- [5] *Pomozova N.B.* Sravnitel'nyj analiz strategij formirovanija grazhdanskoj identichnosti v Rossii i Kitae // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. — 2012. — № 4.
- [6] *Popkov V.D.* Kross-granichnoe russkojazychnoe prostranstvo: Podhody k ponimaniju. URL: <http://www.mdn.ru/engine/documents/document11067.pdf>.

- [7] *Popkov V.D.* Osnovy «russkogo mira»: vektory formirovanija edinogo prostranstva sootchestvennikov. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0002.html?print=true>.
- [8] *Sztompka P.* Kul'turnaja travma v postkommunisticheskom obshhestve // Sociologicheskie issledovanija. — 2001. — № 2.
- [9] *Shherbinin A.I.* Kommunikativnaja priroda politicheskogo prazdnika // Politicheskij marketing. — 2007. — № 6.
- [10] *Schütz A.* Izbrannoe: Mir, svetjashhijjsja smyslom. — M.: ROSSPJeN, 2004.